

Т.П. Буслакова

«Земное сердце стынет вновь...» (1911–1914)

Важнейшим мотивом пушкинского «Пророка» был призыв: «Глаголом жги сердца людей». Лирический герой блоковского стихотворения, сознавая, что его окружает «безлюдье», пытается сохранить любовь к человеку. Тема «неразделенной любви», трагического непонимания между поэтом и читателями возникает в стихах цикла неоднократно, иногда в более заостренном виде:

О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!

(«О, как смеялись вы над нами...», 1911)

Обличение — обратная сторона любви к людям. «За любовью — зреет гнев, // Растет презренье» к человеку, потерявшему себя в «страшном мире», в «буре этих лет». Это образы из других стихотворений цикла, свидетельствующие о том, что современность понимается как особый момент в истории, требующий от личности глубокого осознания своего места не только в реальности, но и в жизни человечества. Появление этих образов в блоковских стихотворениях обусловлено аналогией с тютчевским взглядом на историю. Одной из важнейших для всего цикла реминисценций являются строчки из стихотворения Тютчева «Цицерон» (1830):

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир...

Лирический герой стихотворения «Земное сердце стынет вновь...» так же был «застигнут ночью Рима», видел «бури гражданские», как и герой Тютчева. У Блока сквозным является образ «стужи» («сердце стынет», «стужу я встречаю грудью», «сгинуть в стуже лютой»), передающий ощущение оставленности в разрушенном «бурей», остывшем мире, усиленное тем, что в груди поэта не «уголь, пылающий огнем», как у пушкинского пророка, а «земное сердце». Среди вселенской «стужи» слышнее искушающие голоса, призывающие «забыть» о земном, «вернуться» в мир мечты:

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!

Не случайно в данном стихотворении поэт, характеризуя стремление «туда», использует сниженный образ («красивые уюты»). «Печать забвенья» — один из полюсов выбора, неприемлемый для лирического героя. В ответ на призыв: «Забудь» — три раза прозвучит «нет». В другом стихотворении цикла, где такой сниженности не проявляется, — ответ будет не менее резким:

Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!

(«Так. Буря этих лет прошла...», 1909–1914)

Лирический герой стихотворения «Земное сердце стынет вновь...» не только отказывается «забыть» о «буре», о «пире» «всеблагих», вернуться в «красивые уюты», к иллюзиям прошлого, но и сознает, что его выбор противоречит классической традиции. В послед-

ней строчке упоминается одно из ключевых понятий поздней пушкинской лирики: «покой». В противоположность герою пушкинского стихотворения, «усталому рабу» действительности, мечтающему о «покое и воле», о «побеге» в «обитель дальнюю», забвении «дней», «света», законов «бытия» («Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834), «поэт» у Блока готов «сгинуть в стуже лютой», встретить ее «грудью», сознавая, что «Уюта — нет. Покоя — нет».

Это та «печать... избранья», которую поэт стремится «Читать в глазах мужей и дев» и которая лежит на нем самом.

Таким образом, в стихах Блока 1910-х годов, посвященных теме творчества, создается образ «художника», стоящего на перепутье метафизических и реальных «вихрей», «грудью» встречающего «бури» истории, нового «пророка» и одновременно «земного» человека, «безумно» стремящегося жить и видящего свое призвание в том, чтобы не только «сущее — увековечить», но и вдохнуть жизнь в «безличное» и «несбывшееся». Тема творчества рассматривается и в философском аспекте, и на фоне меняющегося ритма времени, благодаря чему поэт, сознающий себя продолжателем русской лирической традиции, полемизируя с классикой, по-новому решает для себя вечный «вопрос пользы». Талант, писал Блок в статье «Душа писателя» (1909), — это «неустанное напряжение внутреннего слуха, прислушивание как бы к отдаленной музыке», способность слышать в ней «мировой оркестр» «души народной». «Первым и главным признаком» истинного дарования поэт считал «чувство пути». Именно оно, несмотря на «постоянные остановки и искривления», на «пустоцветы» во «внешних результатах подземного роста», дает надежду услышать «вздох всеобщей души, если не сегодня, то завтра».